

От автора

Из прожитой долголетней театральной жизни у меня сохранились воспоминания бытовых условий, в которых шаг за шагом, с большим трудом приходилось выбираться на дорогу, подсказанную непосредственным чувством и желанием быть на подмостках оперной сцены.

Личные наблюдения и впечатления, пережитые мной в жизни как в период моего учения, так и дальнейшей работы в театре за истекший срок, значительно, быть может, поблекли и имеют относительное значение лишь для истории оперного театра.

Оговариваюсь и в том, что не имею писательского дара, а посему прошу моего читателя посмотреть на это дело, за которое я взялся только благодаря настойчивой просьбе моих товарищей и друзей, как на правдивый рассказ о былом, заключающий в себе историко-бытовой материал.

Об оперном театре, в особенности о русском, сравнительно с театром драмы, имеются весьма ограниченные и скудные сведения. А между тем бытовые условия ученической страды и театра, которые сохранились в моей памяти, дают довольно любопытный материал для сравнений с настоящим и далеко не лишний для будущего исследователя оперного дела.

Говоря о развитии оперного театра в России и о роли в нем Шаляпина, я излагаю свои воспоминания

нения о Шаляпине, как о художнике, не останавливаясь на его политических взглядах, которые привели его к эмиграции из СССР. Эти политические взгляды Шаляпина были уже единодушно осуждены всей советской общественностью, в том числе и мною.

Считаю своим долгом принести глубокую и сердечную благодарность Заслуженному деятелю искусств Борису Владимировичу Асафьеву, неустанному вдохновителю моего настоящего труда.

Заслуженный артист
В. П. Шкафер

I

Мое детство

Я родился в 1867 году, в бедной семье. Отец — лекар-ский помощник Московской психиатрической Преоб-раженской больницы — содержал многочисленную семью на скудное, небольшое жалованье, едва выби-ваясь из нужды и не имея возможности дать своим де-тям широкое образование.

Начну с детства. Оно окрашивается не совсем обычными красками и о нем хочется сказать несколь-ко слов, тем более что в последующей артистической жизни не мало черпалось для творческого создания иггранных на сцене ролей и режиссерских работ из тех давно забытых воспоминаний прошлого, которые были богаты непосредственной восприимчивостью юного сердца.

Окраина Москвы, где мы жили, носила название «Тишины». Название такое вполне оправдывалось той обывательской обстановкой, в которой однообра-зие и скука обыденной жизни перемежались собы-тиями: пожарами, убийствами, грабежами, драками, молебнами, свадьбами и похоронами. Обыватель жил мирно и тихо.

Город был где-то далеко, далеко и загадочно рисо-вался в детском воображении сказкой.

«Тишина» граничила с Сокольничьей рощей, в то время густолиственной, непроходимой чащей вели-

чавого соснового бора, куда мы любили ходить летом за ягодами, лесными орехами, ловили птиц, бабочек, стрекоз, наслаждались природой и чувствовали себя «вольными птицами», беспечно и весело, радостно глядя на окружающий нас мир. Золотое детство! Рядом с Сокольниками (так называлась эта роща) были села Преображенское, Черкизово, Камер-Коллежский вал, река Яуза, Семеновское — старина, где молодой царь Петр впервые спустил свой знаменитый «Бот» — судно, которое в модели сохранялось в селе Измайлове где находился измайловский дворец, рядом с селом Преображенским. Я этот «Бот» видел самолично: огромная лодка, с очень глубоким днищем, многовесельная, стояла на подставке. Приходящий народ смотрел на «диковину», как смотрел в то время в Московском Кремле на «Царь-Пушку», «Царь-Колокол» и «Златоглавую колокольню Ивана Великого».

Преображенская психиатрическая больница, где служил мой отец, называлась «Безумный или сумасшедший дом». Рядом — «Пересыльная тюрьма», с другой стороны — «Матросская богадельня» для призреваемых.

«Безумный или сумасшедший дом» полвека назад являл собой подобие тюремной больницы, где все было на запоре: окна с толстыми железными решетками, грязь, мерзость запустения в отдельных камерах; для буйных — горячечные рубашки, в которые забинтовывали несчастных, избиваемых чуть ли не смертным боем служителями и няньками без видимой, с их стороны, провинности.

Дикие крики, стоны и вопли их всегда приковывали мое детское внимание; я выбегал из квартиры, помещавшейся рядом с палатами больных, и спрашивал первого попавшегося навстречу человека: «Да что

их так бьют?» Ответ был коротким: «Бьют?! — Стало быть так надо!» Битье, драка, порка были вообще в большом ходу.

Отец мой застал уже некоторый перелом в порядках этого мрачного заведения, однако отголоски старого продолжались до тех пор, пока группа видных психиатров того времени, как В. Р. Буцке, С. С. Корсаков, П. П. Баженов (впоследствии известные профессора), не внесла коренного переворота в эту область психиатрии.

Я был живым свидетелем того, как из ужасного, по своему виду, темного царства уныния и печали возродилось лечебное заведение, где уже были не «сумасшедшие», а «душевнобольные», которых не пытали и мучили, а лечили, и за которыми ухаживали на научных принципах широкого гуманизма.

Я бродил по палатам и коридорам больницы и был своим человеком среди этой разноплеменной и по-своему странно настроенной разнохарактерной массы людей, казавшихся мне тогда самыми обыкновенными, нормальными, отнюдь не больными людьми.

Это было отделение спокойных; бред их был тихий, для себя. Втихомолку, еле слышно, шепчет, сам с собою говорит, иногда размахивает руками, кому-то улыбается, смеется, хихикает; весь в своем сосредоточении, живет обособленной личной своей жизнью и по-видимому доволен; ему хорошо.

Поглядишь на него и какое-то чувство жалости, как к больному ребенку, зашевелится в сердце. Он никого не трогает, никому не мешает, и ему также никто не мешает.

И такие бородатые дети встречаются на каждом шагу. Это большинство, как говорил отец, неизлечимые, — тут им и конец. «Буйные», — они бывали страшными по своему виду, — что-то звериное, волчье

было в их лицах и особенно в глазах; они сидели в одиночных камерах, за решеткой и за сеткой оконной рамы. Стоишь, смотришь со двора в окно и в ужасе отбегаешь с мыслью, — вот-вот выскочит и загрызет.

Они бьются об пол, скрежещут зубами, кому-то грозят кулаками, буйствуют; но эти счастливее первых: они скорее приходят в себя и выздоравливают.

Третья категория резко, выпукло, остро, надолго приковывает внимание своими характерно типическими особенностями.

Эти люди стоят до сих пор перед моими глазами как живые, только что мной виденные. Богородица — худое, глубокой тоской овеянное лицо, большие лихорадочные глаза устремлены в одну точку, в руках держит край своего оборванного платья «комком», крепко его прижала, губы что-то шепчут непонятное, неясное, по временам кому-то говорит, почти выкрикивает: «Я мать божья!» Так ее и зовут: «Наша богородица сегодня ничего не пила и не ела». Своим бредом она также никому не мешает.

Крупная фигура очень красивого, высокого роста, хорошо сложенного человека. Ходит он в своем драповом халате, пояс с нарядными кистями; барская осанка, холеная борода, причесанный аккуратно; никак не похож на больного: спокоен, любезно вежлив со всеми, говорит здраво о чем угодно, образован, воспитан, занимал видный пост по какому-то министерству.

Ему предоставлена особая комната, куда я мальчиком заходил к нему и получал конфеты и сладкие пирожки, которыми он меня угощал; он много и долго писал, целые кипы исписанных листов бумаги.

Он меня иногда просил по секрету, чтобы никто не знал: «Мой милый, я прошу вас, опустите это письмо; оно написано высочайшей особе, которую я страстно

люблю и которой пишу о своей любви, и надо, чтобы оно дошло и попало ей в руки».

Я брал письмо и обещал исполнить его просьбу. Таких писем он писал многое множество, ожидал ответа и, не получая его, временами тяжело страдал и мучился. Письма его я отдавал отцу. В них-то и был любовный бред больного.

У него был хороший голос, густой бархатный баритон; он умел петь и подражал старым итальянским певцам, делая голосовое тремоло. Часто пел романс: «Когда б я знал, напрасно жизнь и силу, напрасно бы и юность не терял. Твоя любовь открыла мне могилу; когда б я знал, когда б я знал». Его любовь, помутившая ему рассудок, свела его в могилу.

Бравый, крепкий, жизнерадостный для всех, Иван Иванович постоянно воевал, командовал и отдавал кому-то невидимому свои приказания: «без разговоров наступать, идти на штурм, колоть штыками, рубить тесаками, убивать!» — Только и всего.

И так, целыми днями этот человек был одержим одной этой *idée fixe*, другого он не знал и не видел.

Ему это не было скучно и утомительно. За пазухой халата он постоянно носил или кошку или котят; там же и кормил их и поил.

Смотреть часто на этих людей и слушать их бредовые речи мне было больно и тяжело, слезы подступали к моему горлу. Я никак не мог разгадать моим детским умом, в чем тут дело и почему они такие.

Отец запрещал мне ходить в палату к больным, но я украдкой, любил их навещать, потому что многие меня ласкали, целовали, угощали пряниками, конфетами, фруктами; я был им близким, своим человеком.

Но самое тяжелое впечатление производили люди, страдающие эпилепсией.

В припадках они корчились, бились об пол головой, всем телом:, судороги искажали их лица страшной гримасой, пена клокотала на губах и заливала их рот, из груди вырывался хриплый стон удушья; долго, смотреть на такие страдания человека было невыносимо. Припадок проходил, больной вставал, шатаясь шел к своей койке и ничего не помнил, что с ним происходило. Самое же страшное — была покойницкая, где доктора производили вскрытие; заглядывая в окна, я видел трупы с изрезанными частями тела, с вынутыми мозгами из черепов, и мне делалось дурно.

Служителя говорили мне смеясь: «И тебя так, уж, будут потрошить — они (доктора) любят резать и живых и мертвых, им что ж, чай, не жалко!»

Старожилы старого «безумного» дома рассказывали про некоего больного Ивана Яковлевича Корейша, к которому, как творящему чудеса исцеления недугов и предсказателю будущего, стекалась именитая Москва, — разного сорта люди: купцы, их жены, дети, торговцы, кое-кто из знати...

Он сидел в своей палате, в рваном ватном халате, неумытый, грязный, нечесанный, а рядом с ним стояли не вынесенные экскременты, которыми он мазал, как миром и елеем, проходящих к нему на исцеление. И вот толпы шли, точно так же, как они ходили к мощам и иконам, к идолам, на поклонение. Деньги лились рекой и попадали они от него в карманы ловких спекулянтов-служителей, наживших капиталы.

Ивана Яковлевича Корейшу мне лично видеть не пришлось, но история Преображенской психиатрической больницы фигуру эту знала очень хорошо. Это был больной «чудотворец».

Пересыльная тюрьма или работный дом заключенных обнесена была каменным забором;

тяжелые ворота были на цепи; и когда отворялись, — громыхали. Стояли часовые солдаты с ружьями.

Арестанты выходили на работы — огороды и различный иной труд — во дворе тюрьмы. Собирали их в довольно большую группу, одетых в серые куртки и такого же цвета шапки колпаками, на спинах «желтый туз» — метка арестанта; были и закованные в ножные кандалы; почему-то звали их «отверженные». Но эти «отверженные» были, все же, здоровые, полные силы и воли люди, когда их выпускали на свободу — не так как «сумасшедшие», обреченные на неминуемую гибель. Арестантская песня звала к свободе, к раскрепощению человека, к попранию рабства и угнетения; в ней была удаль молодецкая.

Я любил слушать песни арестантов, когда они пели хором; жалею, что не смог их записать тогда.

«Матросская богадельня для призреваемых»: старики, старушки, слепые и разного рода дефективные, слабоумные люди населяли огромное здание, построенное еще во времена Николая I. Впервые в этой обстановке, среди людей, доживающих свой век, я приобщился; начальной грамоте у старенького кантониста, помнящего француза (12-й год). Аз-буки-веди-глаголь-добро-есть-живете и т.д., шло дело с азов, потом «Букварь», «Родное Слово» и «Арифметика». За невыученный урок бил он линейкой по чему попало, после битья ставил в угол, надев на голову «дурацкий колпак», обертку от сахарной головы (сахар рафинад продавался тогда в виде головки конической формы).

В дурацком колпаке стоишь на коленях в углу и тихо плачешь горькими слезами и просишь прощения: «простите, дорогой учитель, больше не буду». Таким образом шло начальное образование.

Моей особенной любовью пользовались призреваемые слепцы от рождения. Тихим летним вечером, на берегу речки Яузы, на луговинке под большой березой, куда мы их с товарищами, мальчиками приводили, они и рассаживались. Покурив вначале папироски, трубочки, пожевав черного хлеба, начинали хором петь, — пели стройно, очень своеобразным манером духовные псалмы и светские, любимые тогда, песни, вроде: «Среди долины ровные», «Вниз по Волге реке», «В славном Новгороде» и др. Пение слепцов привлекало большую толпу слушателей, которые потом оделяли их булками, калачами, сайками и мелкими медными деньгами. Я старался своим маленьким голосишкой им подпевать, подтягивать. Вот, думаю, где, впервые, зарождались изначальные мечты и стремления к пению; впоследствии мое увлечение перешло на профессиональных певчих. Кроме этого, моим любимым занятием было в свободное время играть на скрипке, а также петь в церкви на клиросе с дьячками.

Голос у меня был звонкий (альт), а прирожденная музыкальность, помогала мне обращать на себя внимание даже любителей и знатоков пения. Я не раз слышал, как родителям говорили: «у сынка-то вашего Звонкий голосок, — хорошо поет!» Мне это льстило, и я старался выводить ноту чисто и приятно, чтобы нравилось самому себе.

А когда однажды отец подарил мне камертон, и я, наподобие нашего певческого регента, мог дать тон: до-ми-до-соль-ми-до, счастью моему не было границ; я забирался в отдаленные места сараев, в кусты сада, на пустыри огородов и, задав тон, махал, подражая регенту, невидимому хору, выделявая голосом разные рулады на манер заправских певчих.

В то время в Москве были замечательные певческие церковные хоры, и мой дядя, поклонник и любитель пения, таскал меня по всей Москве в церковные праздники слушать певчих.

Зародившаяся страсть к пению, под влиянием церковных певческих хоров, овладела мной окончательно, и я стал мечтать попасть самому в хор «певчим».

Неприятно было и отпугивало одно обстоятельство: стоя около клироса и смотря в рот регенту и солистам-мальчикам, не один раз я видел, как регент камертоном, его шишкой, ударял по голове то того, то другого мальчика, которые, невидимому, фальшивили или не вовремя вступали; видел, как он их щипал, бил кулаком в спину, дергал, то и дело издавая какие-то ругательства по адресу провинившегося, иногда очень маленького, щупленького и жалкого мальчонка, у которого слезы капали из глаз.

Смотреть было больно на эти деспотические выходы регента-хозяина, и я терял охоту поступления в хор певчих, думая, что та же участь ожидает и меня.

Впоследствии я узнал, в каких ужасных условиях живут эти несчастные дети; на полуголодном существовании, без проблеска минимально культурных условий, — в нищете, в грязи, в полном одичании; алкоголизм и другие пороки готовили многим из них самую мрачную будущность. Профессия «певчего» считалась в жизненном быту ничтожной, а сам певчий — пропащий человек, никуда не годный.

Слово «певчий» было почти что ругательным. (В несколько лучших условиях находились так называемые архиерейские и синодального ведомства певческие хоры; там была «казенная» служба, и положение этих певчих было привилегированным, я же имею в виду «частные» хоры, каковых было многое множество.)

Духовные концерты мало-мальски приличного хора собирали, особенно в великом посту, в церквах истинных любителей пения, и я старался не пропустить случая услышать хороших «солистов» и сочинения духовных композиторов: Бортнянского, Турчанинова, Галуппи и других, исключительно, помнится, эффектных для громогласного пения.

Так начиналось мое музыкальное развитие, когда детский голос мой перешел в период возмужалости в тенор, которым я пробовал подражать псаломщику Люберицкому, содержателю своего собственного хора и обладателю прекрасного драматического тенора, любимцу церковной публики.

Я пел на ряду с духовной музыкой и светскую, — репертуар был весьма небольшой, но распространенный среди невзыскательного общества, вроде: «Гляжу, как безумный, на черную шаль», «В час роковой, когда встретил тебя», «Выхожу один я на дорогу», а также хором студенческую: «*Gaudeamus igitur*», «Быстры как волны дни нашей жизни», с припевом: «Ах, вы сашки, канашки мои, разменяйте вы бумажки мои!» и т.д. с гиканьем и присвистом; также любимую хоровую: «Нелюдимо наше море, день и ночь шумит оно». Ну и затем песенку: «Под окном моим солдаты тихо с музыкой прошли, поглядела я в окошко, а солдаты уж ушли», — припев: «ах усы мои усы, вы с ума меня свели!»

Эта музыка легко запоминалась и охотно исполнялась на вечеринках в домашнем быту. Светскую «хоровую» музыку впервые я услышал в исполнении капеллы Д. А. Агренева-Славянского на народном гулянье в Москве, в манеже, что на Моховой.

Все исполнители были одеты в русские боярские костюмы, а сам Агрнев напоминал собой весьма сдобного боярина, с окладистой темно-русой бородой, с ку-

древатыми волосами до плеч и пухлыми белыми руками, украшенными золотыми перстнями, которыми он, стоя к публике лицом, плавно и мягко дирижировал.

На всех почти «народных гуляньях» играли военные духовые оркестры музыки; из них выделялся оркестр Александровского юнкерского училища, под управлением немца Крейнбренга.

Программа его концертов отличалась хорошим выбором вещей, даже оперного репертуара, — исполнение было очень тщательным и слушать этот оркестр составляло для многих огромное удовольствие.

Был еще так называемый «бальный» оркестр дирижера балета С. Я. Рябова, который играл на балах в Благородном собрании, а иногда давал и концерты, очень хорошо исполняя вальсы, польки, польки-мазурки.

Московская публика охотно шла танцевать под оркестр Рябова, тем более что сам он за дирижерским пультом был очень красив и элегантен; душа Рябов был любимец старых москвичей.

Вот приблизительно та ничтожная музыкальная атмосфера, в которой вращался я в юные годы; если сюда прибавить еще любительскую игру на гитаре одного моего приятеля, а другого — треньканье на старом дребезжащем фортепиано, то целиком будет исчерпана картина отчаянной бедности и музыкальной ограниченности, которой волею обстоятельств пришлось мне довольствоваться и наслаждаться.

Это столь небольшое поддерживало и питало душу, не давая ей остывать, а, напротив, дразня и маня, двигало к запросам более глубоким и серьезным.

II

Дарья Михайловна Леонова

Однажды, в распространенной газете «Московский листок» появилось такое объявление: Курсы пения артистки императорских театров Д. М. Леоновой.

Дарья Михайловна Леонова — крупное имя в тогдашней Петербургской императорской опере, знаменитое контральто, талант-самородок, ученица М. И. Глинки, сверстница и любимица Мусоргского, который дарил ее исключительной любовью и дружбой. Очутившись в Москве после своего ухода со сцены, она открыла классы «сольного пения», дав вышеприведенную публикацию в газетах.

Прочитав ее, мы с приятелем П. решили пойти к Леоновой и попробовать свои голоса: обоим тянуло научиться хорошо петь, по-настоящему, а не так как бог положит на душу, как поют вообще доморощенные любители, необработанными голосами, фальшиво распевая даже арии из опер, в убеждении, что они доставляют слушателям большое удовольствие.

Мы так петь не хотели и жаждали голоса свои, хотя и небольшие, подвергнуть обработке, сделаться «певцами всерьез».

У меня был небольшой голос — тенор, у приятеля высокий бас. С ним мы часто распевали дуэты, и это нас роднило и толкало к более близкому дружескому общению. Общий интерес, обмен взглядов, мнений, впечатлений, взаимная критика, поддержка, соревнование, словом... разворачивалась интересная страница жизни, временами мутившая рассудок и захватывающая.

Обывательщина и мещанство оставались как неизбежный придаток к повседневной жизни. Главное — то, чем жили — было все же по линии запросов в области искусства и затем театра. Мой приятель в моих глазах по части театра, оперы, артистов был для меня знатоком и авторитетом.

Часто бывая в опере Большого театра, в симфонических концертах, он имел возможность слушать выдающихся артистов того времени и делился со мной всем виденным и слышанным. Передавал он это мастерски, с нервным подъемом, с энтузиазмом, копируя и представляя мне отдельные моменты, им только что прослушанные: в нем бывало страстное желание поскорее мне все передать. «Какой счастливец», думал я, слушая его рассказы: «ему легко получать эти наслаждения, а я их лишен!»

Его отец был музыкант, и ему не составляло большого труда приносить сыну бесплатный пропуск и в театры и на концерты.

Но вот наконец и я попал в оперу Большого театра, на «Аскольдову могилу» Верстовского. Восторг тут был полный, ни с чем не сравнимый и настолько сильный, что под этим впечатлением виденного

и слышанного я ходил много времени, днем и ночью продолжая еще жить в этой сказке.

Какой-то особый мир впервые открылся моему взору; огромный, блистающий театр подавлял своими размерами, пышностью, красотой, величием; оркестр, хор, пение артистов — все вместе взятое огорошило, ошеломило, ударило по всем струнам существа.

Ну как передать это словами?

Думается, такое состояние многие мои товарищи по театру испытывали, обрекая себя на трудный путь служения любимому делу искусства.

Из артистов, участвовавших в этом спектакле, были тогдашние любимцы публики — тенор А. М. Додонов играл Торопку, бас Белявский — Неизвестного и сопрано М а х и н а — Любашу. Все они имели большой успех.

Вслед за оперой я попал на балет «Конек-Горбунок». Как ни хорошо было смотреть балет, но в сравнении с оперой для меня он шел позади. Оперой я стал бредить и в своем энтузиазме своему приятелю уже не уступал.

Началось с приобретения нотного материала, арий из различных опер, и их разучивания.

Тут оказалась беда — петь их надо было на иной лад, чем разные песенки да припевы: надо было голос приспособливать, а этого не удавалось, выходило точь в точь как у тех любителей, о которых я говорил раньше, т.е. пели громко и крикливо, что есть мочи, но сплошь фальшиво и не туда, куда нужно, а слушатели просили: «да замолчите вы, надоели, разве это пение?!»

Подступала горечь разочарования, и являлось уже неотступное желание пойти учиться этому делу как следует быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru